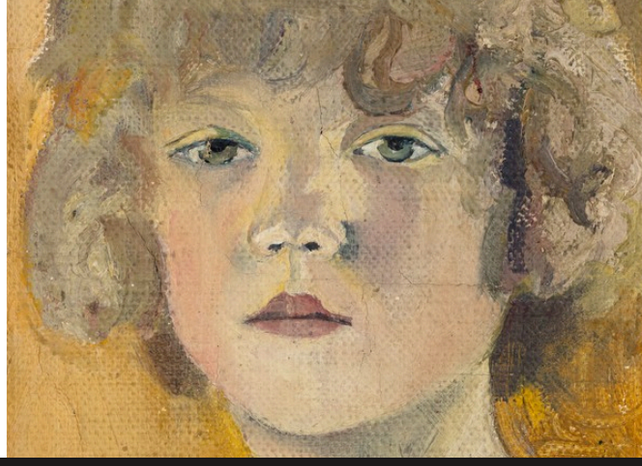
"БАБОЧКА С ПЛАМЕННЫМИ КРЫЛЬЯМИ". ФЕНОМЕН ТВОРЧЕСТВА БЕЛОРУССКОЙ ХУДОЖНИЦЫ ЗИНАИДЫ АСТАПОВИЧ-БОЧАРОВОЙ

К 125-летию со дня рождения

Зинаида Астапович-Бочарова (1898—1993), сестра выдающегося белорусского графика Аркадия Астаповича, погибшего в первый год Великой Отечественной войны, — пример редкого ныне феномена «неизвестных художников XX столетия», точнее, «пожелавших остаться неизвестными».

Первая выставка художницы вместе с братом состоялась в Минске в 1989 году, когда ей был 91 год. Совместная экспозиция произведений брата и сестры в Минске и Витебске в 1989—1990 годах, ее персональная выставка к 100-летию в 1998 году подтвердили, что по таланту Зинаида Астапович не уступала Аркадию.

Выставка представляет только часть огромного наследия Зинаиды Астапович-Бочаровой (это более 600 сохранившихся произведений живописи, графики, иллюстраций), наиболее характерная для её 70-летнего творческого пути. Работы художницы хранятся в Национальном художественном музее Республики Беларусь (более 50 произведений), Витебском областном краеведческом музее, Музее-усадьбе Н. К. Рериха (д. Извара Волосовского района Ленинградской области, Россия), многочисленных частных собраниях за рубежом, большая же часть – у её внуков в Минске и Витебске, у внучатого племянника — в Москве.



Зинаида Антоновна Астапович родилась в Минске 10 (23) сентября 1898 года в многодетной семье преподавателя городского училища Антона Антоновича Астаповича, уроженца деревни Новосёлки Игуменского повета Минской губернии. Уже в детстве брат и сестра начали рисовать, сначала копируя репродукции картин из журналов, потом делая наброски с натуры. Родители, люди творческие (отец в свободное время руководил хором, мать была домохозяйкой-рукодельницей), поддерживали увлечение детей.

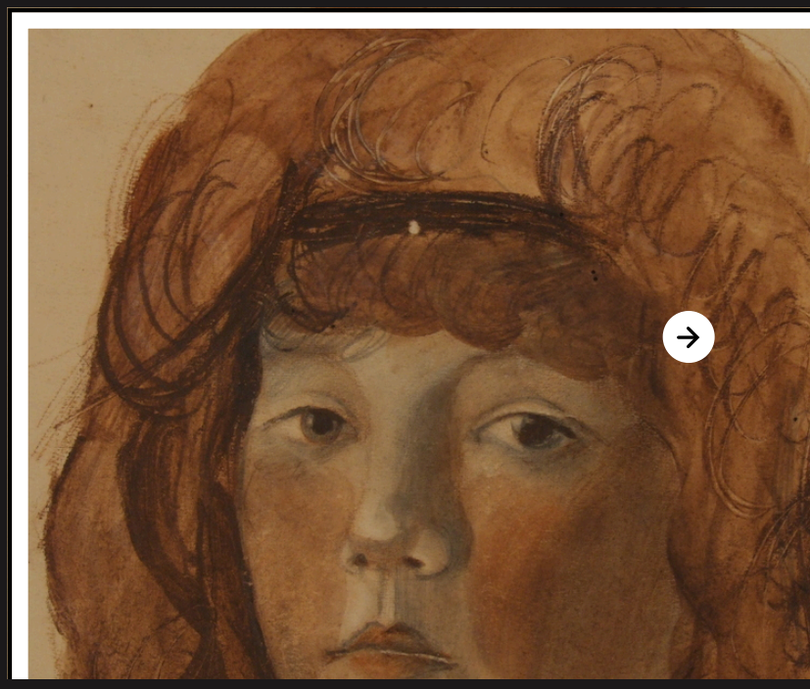
Зинаида всегда оставалась в тени известного брата, исследователи неизбежно сравнивали ее работы с творчеством Аркадия Астаповича. И это естественно: почти одногодки, они вместе росли в Минске и Речице, где учительствовал их отец, учились у одних и тех же учителей рисунка в гимназиях в Гродно, затем в 1914 году после смерти отца, инспектора гродненского городского училища, и переезда в Петроград — в рисовальной школе Императорского общества поощрения художеств, которой руководил тогда Н. К. Рерих.

Позднее Зинаида Антоновна любила подчеркивать, что, в отличие от брата, она была принята в 1915 году сразу в натурный IVкласс, где рисовали живую натуру, минуя головной, где начинали с гипсов. В школу принимали без экзаменов, на основании представленных рисунков. Ее преподавателями были неоклассицисты с прочной академической репутацией В. Н. Наумов и А. Р. Эберлинг. Но большее влияние оказали не они и даже не И. Я. Билибин, который вел мастерскую графики, а сам город Петроград, художественная жизнь которого, несмотря на Первую мировую войну, не замирала.

> ***«Учащиеся приносили Билибину свои рисунки, он их разбирал и критиковал, давал задания по композиции», — вспоминала З. Астапович-Бочарова.***

> ***«Это было светлое время, когда мы были молоды, полны надежд и энергии. Бродили по выставкам, музеям, просто по городу белыми ночами… Жили мы тогда очень скромно на маленькую пенсию, которую мать (как вдова. — получала за отца, но материальные нужды нас тогда совершенно не тревожили …» — вспоминала Зинаида Антоновна.***

И Аркадий, и Зинаида были очарованы модерном, его утонченными линиями и пассеизмом — эстетикой минувшего. По тематике, мотивам и стилистике исполнения ранние работы Зинаиды Астапович целиком можно отнести к варианту модерна, свойственного российскому художественному объединению «Мир искусства» (1898–1924) с его томительным «сумеречным» настроением легкой грусти, тонким ритмом изогнутых линий, декоративной орнаментализацией форм, текучестью контуров и силуэтов.

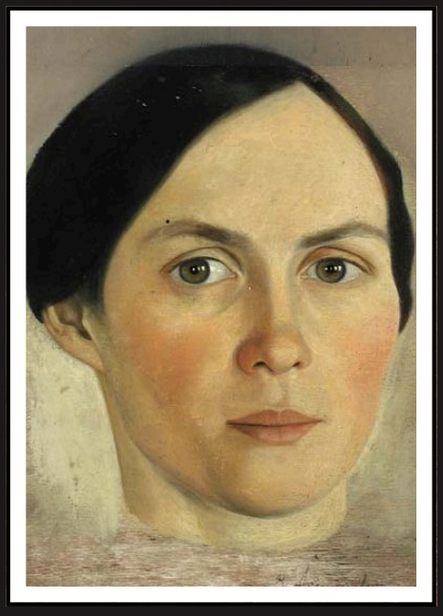


Уже в ранних работах девушки угадывается будущий живописец. Она любила и чувствовала цвет: он в ее работах органичен – акварель плотно ложится в сложных нюансах тона, резко отличаясь от прозрачной отрешенной акварельной подцветки Аркадия Астаповича. Зинаида, в отличие от брата, была более эмоциональной, «неспокойной».

Не зря в одном из писем к сестре Аркадий назвал ее «бабочкой с пламенными крыльями», словно угадав в ее работах с едва сдерживаемой рамками стиля жизнерадостностью будущий, вырывающийся на волю темперамент — буйный, цветовой, мажорный, завораживающий. Жизнь оборвала этот период быстро и жестоко. В 1916 году мобилизовали в армию Аркадия, в 1917 году от случайной пули погиб младший брат Анатолий. Нужно было зарабатывать на жизнь и рассчитывать только на себя.

В 1918 году, после окончания рисовальной школы Всероссийского общества поощрения художеств (до 1917 года — Императорского), Зинаида поступает учительницей рисования в школу при Обуховском заводе. Голод и холод в Петрограде вскоре вынуждают ее уехать к родным в Новосёлки, деревню под Минском, где отец когда-то построил дом для своих родителей. Новосёлки стали ее пристанищем на три года. В этот дом в 1922 году приезжает с Юго-Западного фронта и Аркадий – командир Красной Армии. Они вместе преподают в Новосёлковской сельской семилетней школе, ставят спектакли в сельхозтехникуме в Марьиной Горке, где училась младшая сестра Зоя, вступают в профсоюз белорусских работников образования. От этого периода сохранились несколько натурных реалистических зарисовок деревенских улиц.

Но пути брата и сестры сходятся ненадолго. Аркадий женится на своей двоюродной сестре Нине Якубович и остается в Беларуси, а Зинаида в 1923 году возвращается в Петроград, чтобы продолжить образование. Она пробует поступить вВысший художественно-технический институт (ВХУТЕИН), бывшую Императорскую академию художеств, но подводит анкета: дочери титулярного советника не дают стипендии. Выручают старые стены: в здании бывшей школы Всероссийского общества поощрения художеств (ОПХ) открылся Петроградский художественно-промышленный техникум, куда она без труда поступает в мастерскую к В. Н. Левицкому и уже знакомому ей А. Р. Эберлингу.



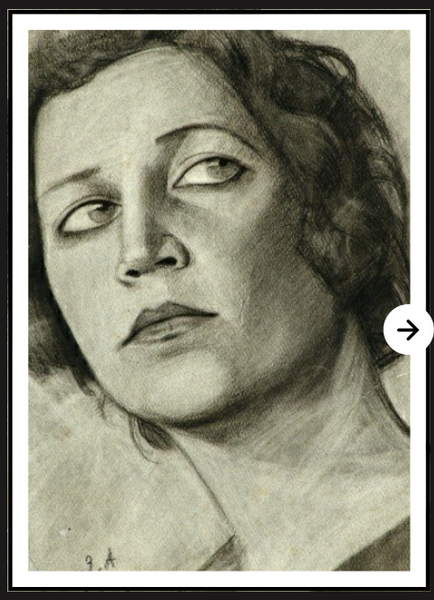
Портрет Нины Якубович, двоюродной сестры

Начинается второй период творчества Зинаиды Астапович — советский, годы первых творческих достижений. В это время неожиданно проявляется ее дар рисовальщицы, портретистки и иллюстратора. «Автопортрет» (1923), «Портрет Н. Г. Якубович» (1923) написаны маслом, с сильным, почти натуралистическим, рисунком и очень тщательной живописью, которая находилась еще в твердой узде реализма. Незря брат, восторгаясь ее реалистическими рисунками, называл ее в письмах «мой маленький Менцель».

> ***«...Нинин портрэт твоей работы висит у меня на стене и мимоходом у меня возникает мысль: какой чудесный портретист мог бы из тебя выйти... подолгу смотрю я на эти два портрета...»***

Письмо А. А. Астаповича — З. А. Бочаровай от 9 октября 1932 года. Архив семьи И. Т. Нерсесовой, Москва.

> ***«Если бы ты каждый год делала по одной хорошей работе, до конца дней Твоих создалась бы маленькая галерея шедевров», — когда–то писал ей брат.***



Женский портрет

Любой материал, любой жанр, как и прежде, даются ей легко, без напряжения — агитационный ли плакат с лаконичными и выразительными силуэтами летящих самолетов («Покоряйте воздух и время», 1926); иллюстрации ли к сказкам («Жили-были старик со старухой», 1922) и прозе («История одной любви», 1925), или же портреты-силуэты своих друзей («Портрет приятельницы», 1925), а также портреты углем и итальянским карандашом («Женский портрет», 1926). Казалось, ее призвание — графика.

Иллюстрация к сказке

В 1925 году Зинаида делает обложки к сказкам в стихах поэтов В. И. Эрлиха и Е. Л. Шварца, журнал «Ленинград» публикует ее акварель «Демонстрация» (1924), молодой Самуил Маршак уговаривает ее саму писать и иллюстрировать сказки. Но все эти радужные перспективы, едва забрезжив, исчезают: закрывается журнал «Ленинград», а книги с ее обложками так и не выходят в печать.

В те годы для Зинаиды Астапович-Бочаровой брат был ее единственным и советчиком, и учителем, и вдохновителем. Чтобы помочь ей материально, Аркадий посылает ей ежемесячно небольшую сумму из своей учительской зарплаты.

> ***«Хоть наши дарования и различны, но они равны… Если бы тебе удалось достичь того, к чему ты стремишься, это было бы 50% моей жизненной программы», — писал ей Аркадий Астапович в 1924-м году.***

Зинаида хоть и не жила в Беларуси, но её связь с родиной не прерывалась, благодаря Аркадию, она не выпала из орбиты белорусского искусства.

В 1927 году, вероятно, через брата, Зинаида Астапович получает от Вацлава Ластовского, директора Белорусского государственного музея, заказ на серию выпиленных лобзиком на фанере рисунков крестьянских типов.

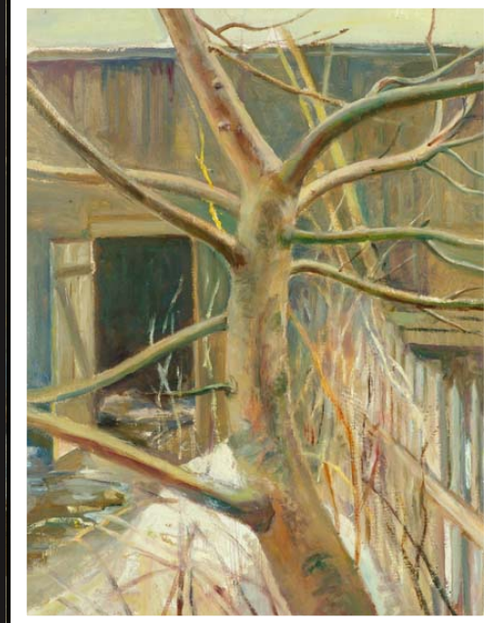
Впоследствии он были приобретены Белорусским государственным музеем и демонстрировались на специальных подставках. Сохранились многочисленные эскизы к этой серии. Мощные, с грубоватым рисунком и яркими всплесками цвета, миниатюры и поныне не утратили ни художественной, ни исторической ценности. 1927 годом, вероятно, можно датировать и небольшой рисунок пером, возможно, книжную иллюстрацию, «Па дарозе ў школку». Художница решает тему шествия детей жанрово — со всеми деталями одежды, как своеобразный фриз, но воспринимается этот рисунок шире и обобщеннее – как путь к знаниям.

Заказы, безусловно, стимулировали талант Зинаиды Астапович, но они были редкие, разовые, а «доставать» их было не в характере Зинаиды.

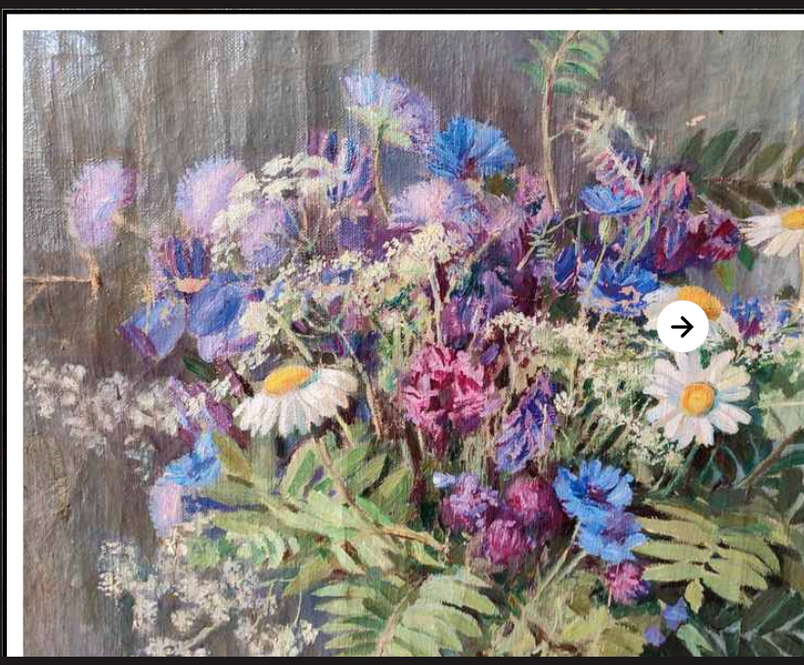
> ***«По-моему, ты сделала все же ошибку, что не пошла больше в издательства. Так там с одного-двух раз ничего не выходишь и если подвернется удобный случай, случайно, допустим, получишь работу, а там пойдет и пойдет. И я ходил несколько раз, только надо сказать, мало еще ходил...»***

Письмо А. А. Астаповича — З. А. Бачаровай от 24 октября 1934 года. Архив семьи И. Т. Нерсесовой, Москва.

Активный период творчества прерывается в феврале 1928 года замужеством (не без колебаний и по совету брата она приняла предложение ветеринарного врача Ивана Бочарова) и рождением дочери Нины. Ненадолго она покидает Ленинград (до 1924 года Петроград), переезжая по месту работы мужа в г. Новоржев Псковской области. Но уже в 1930 году семья возвращается в Ленинград, где Зинаида Астапович, по мужу Бочарова, в течение 11 лет преподавала графику на рабфаке Ленинградского ветеринарного института, в котором работал и учился в аспирантуре ее муж, в будущем доктор наук, с 1937 года ставший ректором института. Из-за того, что часто болела дочь, времени для творчества оставалось все меньше. И все же именно в 1930-е годы Зинаида Бочарова (в искусстве она осталась Астапович, всегда подписывала свои произведения инициалами с девичьей фамилией – З. А. – *Примечание Н. М. Усовой*) начинает всерьез заниматься живописью, особенно в летние месяцы. В Мерёво под Лугой, где снимали дачу Бочаровы и собиралась вся семья, не раз приезжал на этюды из Минска брат Аркадий. К сожалению, эти живописные произведения частично были утрачены во время эвакуации в поселок Заозерье Молотовской (ныне Пермской) области в 1941—1944 годах.



В 1942—1944 годах Зинаида преподавала рисование в Молотовской средней школе № 66. Сохранившиеся этюды 1940-х годов все так же традиционно-реалистичны. Цвет и свободная широкая живопись появятся позже, в поселке Рыбное Рязанской области, куда Зинаида после развода с мужем переезжает вслед за семьей дочери Нины в 1955 году. Здесь, в маленьком поселке, куда в научно-исследовательский институт пчеловодства была приглашена Нина, расцветает дар её матери как пейзажиста и мастера цветочного натюрморта, которая часто пишет виды из своего окна и двор у дома.

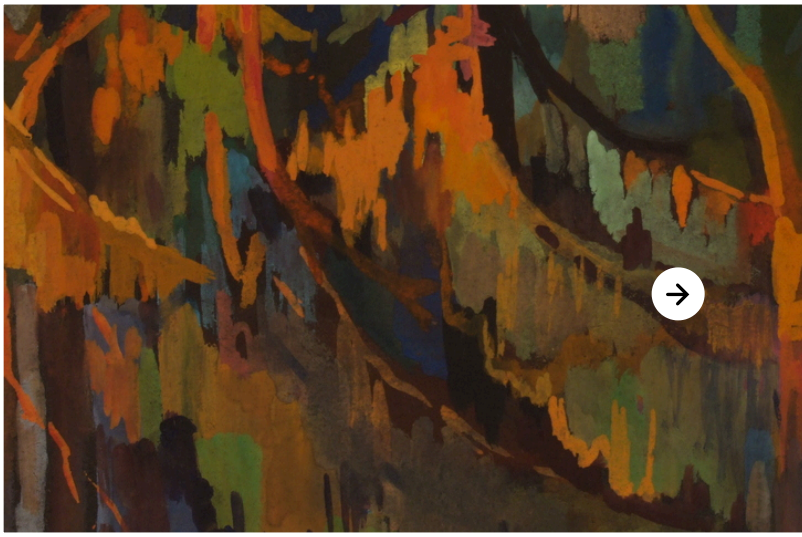


Как прекрасная садовница, Зинаида разбивает у дома свои великолепные цветники – выращивает герберы, астры, настурции, георгины. Днем, уложив маленьких внуков спать, придумав для них и рассказав каждый раз новую сказку, отводит душу в натюрмортах – радостных, избыточно-пышных, и мажорных – наперекор трудным семейным обстоятельствам, смене ставшего привычным благополучного и вполне обеспеченного уклада жизни в Ленинграде.

И все же не эта живопись стала истинным наследием, творческим достоянием Зинаиды Астапович-Бочаровой. Нашла себя она только в Витебске, где в семье дочери прожила последние 30 лет своей жизни, с 1963 года. Именно здесь, в пору ее жизненной осени (ей было уже далеко за 60), неожиданно выплеснулся ее щедрый колористический дар. Этот «поздний витебский ренессанс» дал сотни поистине оригинальных произведений.

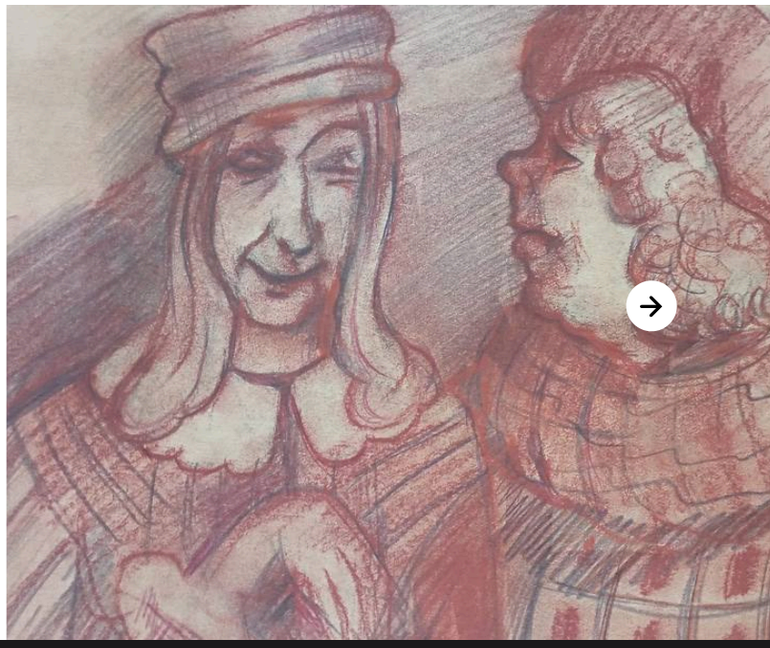
Места постоянных прогулок Зинаиды — уютные маленькие дворики, скверы, парки и набережные старого Витебска, окрестности дачной местности в Лётцах под Витебском, — стали реальными мотивами огромной серии великолепных гуашей-миниатюр. Часть из них полностью узнаваема (серия «Витебские дворики», 1960—1970-е), большинство же — вымышленные, фантазийные.

> ***«Даже скромный белорусский пейзаж она видела как часть мироздания», — подметил журналист Илья Курков.***



Ели

Эти изумительные цветовые гармонии часто были отражением настроения Зинаиды («Я радуюсь»), иногда впечатлением от реальных мотивов природы («В парке»), редко — натурными этюдами («Набережная Двины»). Цветовой талант художницы словно таился под спудом, дремал и прорвался разом, в одночасье, дав несколько сотен гедонистических произведений, исполненных легко, артистично, вдохновенно. Цветовая оркестровка их столь богата и изысканна, приемы столь смелы и разнообразны, а исполнение столь виртуозно, что некоторые из этих маленьких работ можно смело назвать ее шедеврами.



По количеству и изобретательности с ними могут соперничать только иллюстрации к волшебным сказкам русской и зарубежной классики, которыми она занималась всю жизнь «для себя», читая книги буквально «с карандашом».

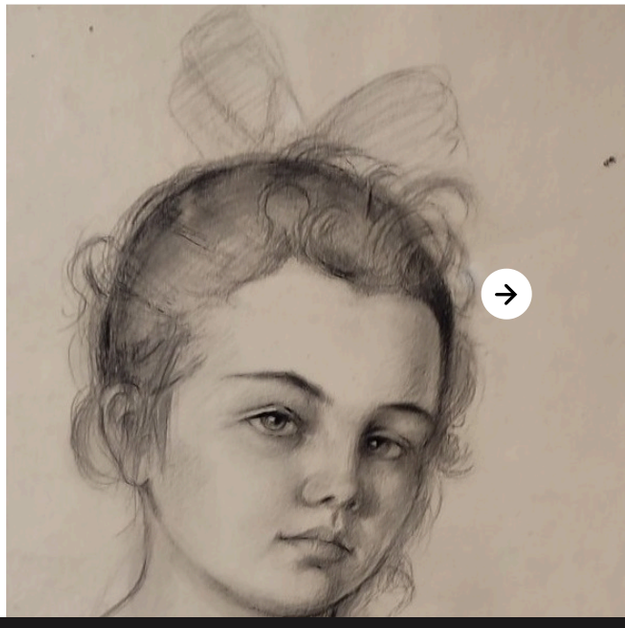
Эти многочисленные иллюстрации (их десятки, может быть, сотни – странных, причудливых, часто гротескных), написанные гуашью на картонках-донышках от тортов, она не слишком ценила, называла их «рожицами», но не могла не выплескивать свою страсть к «оживлению» книжных персонажей.

Витебск – город художников, здесь при Педагогическом институте (ныне Витебский государственный университет имени П. Машерова) в 1959 года работало художественно-графическое отделение, где преподавали замечательные мастера — график Григорий Кликушин, выпускник ВХУТЕИНа Валентин Дзежиц, жили ее младшие по возрасту современники — живописцы Петр Явич, Александр Соловьев... Но ей и в голову не приходило зайти в витебское отделение Союза художников Беларуси или Витебский областной краеведческий музей показать свои работы, договориться о выставке: мешали деликатность и скромность, требовательность к себе, внутреннее достоинство, высокая планка оценки произведения искусства.

Творческое долголетие Зинаиды Астапович-Бочаровой оказалось почти равным жизненному. Последние ее работы датированы второй половиной 1980-х годов: серия карандашных зарисовок с философским названием «Проходящие мимо» — гротескные, даже несколько шаржированные мгновенные наблюдения из окна первого этажа старого человека, жизненное пространство которого сузилось до пределов квартиры.

75 лет из 95 Зинаида Бочарова прожила при советском строе, но не воспринимается, как ни странно, «советской художницей». Сказались «прививка» стиля модерн и сильнейший творческий заряд экспериментов непревзойденных 1920-х. Ей и как человеку, и как художнику было присуще мудрое принятие течения жизни такой, какова она есть. Она просто и здраво смотрела на коллизии судьбы — поэтому, может быть, патетика соцреализма и конъюнктура и не коснулась ее личности, хотя в ее работах очень ощутим меняющийся стиль времени. Мотивы ее творчества остались вне

общепринятых производственных советских — простыми, камерными: цветы, дети, сказки, природа, материнство, балет, родные лица. Эта незамутненность творчества, конечно, — результат герметичности, «отключенности» ее от художественных процессов и идеологических требований государства.



Зинаида-Астапович Бочарова никогда не воспринимала как трагедию свою неизвестность и творческое затворничество: работала для себя, потому что «когда я не рисовала, меня это беспокоило, нельзя было не рисовать». Неизвестность была ценою свободы творчества; она заплатила эту цену просто и естественно, как все, что делала.

Но художница всегда жила с внутренним ощущением, что рано или поздно признание придет, и спокойно, не суетясь, ждала «своего часа». И он пришел. На вопрос журналистов на вернисаже своей первой выставки, что бы она выбрала, если бы ей была дана другая жизнь, ответила без колебаний: «творчество». Зинаида Антоновна умерла 26 сентября 1993 году в Витебске на 96-м году жизни, став феноменом белорусского искусства.

Творчество Зинаиды Астапович-Бочаровой укладывается по времени в рамки большей части XX века. Но ее произведения уже невозможно не учитывать в веке XXI-м — и не только в когорте витебских художников XX века. Её произведения вошли в постоянную экспозицию Национального художественного музея Республики Беларусь. Художница одна из немногих была избрана экспонентом грандиозной выставки «Десять веков белорусского искусства» (2014) в Национальном художественном музее Республики Беларусь.

ПИСЬМА А.А. АСТАПОВИЧА – З.А. АСТАПОВИЧ (БОЧАРОВОЙ) 1915-1941

Белорусский график Аркадий Антонович (1896-1941) оставил после себя небольшое эпистолярное наследие. Письма художника (всего их 30) в своем большинстве (28) адресованы младшей сестре, художнице Зинаиде Антоновне Астапович (по мужу Бочаровой) (1898-1993). Переписка с сестрой продолжалась более 25 лет: первое письмо датировано 1915 г., последнее отправлено незадолго до гибели – в июле 1941 г.

В настоящее время письма Аркадия Антоновича хранятся в двух собраниях: большая часть в г. Москве в частном собрании сына племянницы художника искусствоведа И.Т. Нерсесовой (22 письма), остальные в Минске в фонде Белорусского государственного архива-музея литературы и искусства. В данной публикации использована лишь часть наследия. При отборе писем составитель стремился сохранить хронологический принцип. Письма написаны на русском языке и публикуются с некоторыми сокращениями. Имеющиеся купюры, как правило, обозначены многоточием.

2.VI. [19] l5 г.

Мы в Пережире уже 3-ий день. Погода довольно холодная. В Нарве был город в духе Рериха. Относительно твоих рисунков будет известно не знаю когда, может даже осенью, т.к. Рерих серьезно болен. У всего в Нарве сделано 2 несчастных наброска и больше ничего. Можешь свободно этому верить: не вру. Желаю тебе более успешной работы.

Аркадий Астапович.

9.IX. [19]24 г.

Дорогая Зинка, получил сегодня Твое прелестное письмо и очень благодарен за него. По правде

говоря, оно доставило мне чисто эстетическое удовольствие, не говоря об остальном. Взял на себя смелость прочесть его Ирине Михайловне и ей оно очень понравилось. Очень хорошо. У меня возникла мысль, и я ее со временем при твоем благосклонном участии исполню. Приведу Твои письма в порядок, выберу самые лучшие и составлю сборничек "Писем Иды, бабочки с пламенными крыльями", которая никогда не запутается в сетях коварного паука, смотрящего на все с утилитарной точки зрения. Хороший ты человек, Зинка, и я сделаю все, что смогу, чтобы помочь Тебе взлететь высоко в солнечных лучах. Никогда не сомневайся во мне. Если бы Тебе удалось достигнуть того к чему Ты стремишься — это было бы 50 % моей жизненной программы, а это уже много в наше время, когда все выполняется постольку, поскольку. Ты, мой маленький Менцель, не обижайся и не падай духом, если иногда я подвергаю Тебя суровой критике. В конечном итоге Ты я думаю все-таки знаешь, как я к Тебе отношусь и как я Тебя ценю. К сожалению, не могу написать Тебе сейчас что-нибудь красивое, так как таковы условия и обстановка, что ничего хорошего не выходит. Мой жизненный путь уже определился и дальнейшие изменения в нем могут произойти лишь под влиянием стихийных сил. Больше всего радости и всего хорошего, что можно найти, я нахожу в Вас, мои хорошие вассалы, в том жизненном круге, тесно сомкнувшемся вокруг меня, в который входит мама, Идаи Пончик, и в который еще надо включить или вернее уже включена Нина, которую я люблю и которая меня любит, как это заметили, вероятно, лукавые оллега, что записаться придется без Тебя, а это очень грустно, а откладывать на долгий срок опять-таки мне не хочется, так как мне думается это было бы лучше для Нины — все-таки на ее долю пришлось бы тогда меньше всяких забот и может быть она немножко отошла бы, а то совсем она замоталась. Ну вот, дружок мой, написал Тебе об этом, чтобы и в этом вопросе все для Тебя было ясно. И я думаю, что, зная меня и Нину, Ты бояться этого не будешь. Ну пока все. Не буду сейчас писать больше, так уже скоро и сам вернусь.

Твой Аркаша.

Жму Твою бархатную мохнатую лапку.

*** 6. 01. [19] 28 г.**

Дорогая Зинка!

Поздравляю Тебя с н Новым Годом, желаю Тебе всего наилучшего. Посылаю Тебе 3 стихотворения Есенина. Мне нравятся "Узоры". Маленькая просьба к Тебе узнать у Михаловской о Шехтмане, что работает в Киеве, не из Гродны ли он. Что касается возможных перемен в Твоей жизни, то я смотрю одобрительно. Если сможете сделать человека счастливым, то и сама будешь счастлива. Что же касается вопроса об искусстве, то при счастьи — это дело второстепенное. Да и кроме того, если невозможен прямой путь, то надо, двигаться обходными путями. Не обязательно для того, чтобы быть художником жить в Ленинграде. Если же Тебе удастся создать что-либо значительное, то, поверь, узнают о Тебе и в Ленинграде, и в Москве. «Если же гоняться за тенью" и для этого сгубить свое здоровье, а то и жизнь, и при этом, вследствие стечения неблагоприятных условий, не достигнуть ничего — не лучше ли тогда не быть фанатиком идеи и попробовать осуществить ее мимоходом, не загоняя своей жизни и личного счастья в подполье. Итак, краткое, но вразумительное резюме из всей предыдущей разведенной на водичке философии — "выходи замуж" при условии, если надеешься сделать своего мужа счастливым, с остальным ни с чем не считайся и все Тебе приложится. Я, дружок мой, в юмористическом виде излагаю свои мысли, но и серьезное мое мнение таково. Конечно, я его не навязываю и ни для кого оно не обязательно. Я только пользуюсь правом совещательного голоса, а решение мудрое всецело принадлежит Тебе. Пиши свои соображения, а то Ты великий лодырь на письма. У нас каникулы — понемногу рисую, несколько совершенствуюсь. С выставки хотели 4 мои рисунка приобрести в Белорусский музей, но не знали цены, хотели написать, но пока что не пишут, так что на продажу их особенно я и не надеюсь. Ну, пока всего хорошего.

Пиши.

Твой Аркаша.

Относителю рисунков для Белорусского музея — мой совет не делать их, пока они не закажут по несколько штук тех фигурок, которые ты прислала по одному экземпляру. Честное слово, если делать по 1 шт. за 70 коп., то я охотно, несмотря на не особенно богатые ресурсы, их купил бы. А теперь они хотят даром получить Твои зарисовки, заказав Тебе по 3 шт. фигурки каждого типа (подумаешь массовый заказ). Числа 11-го думаю поехать в Минск — если застану Ластовского — поговорю с ним.

**** 21 .П. [19] 28 г.**

Дорогая Зиночка!

Поздравляю Тебя с новым этапом Твоей жизни. Желаю, конечно, чтобы Твой путь был прямой, без уклонов, без ухабов. Как мне кажется, от Тебя это зависит в сильной степени. Мой совет Тебе — выкинуть из головы, если еще только она осталась, всякую романтическую белиберду, быть таким надежным товарищем своего мужа, как, например, у меня Нина и все должно пойти хорошо...Теперь о конкретном: смотри, что бы Ты не оказалась вне союза, не повтори глупости, которая получилась однажды...Что касается белорусской выставки, то теперь неизвестно еще когда она будет — вероятно, года через два-три. В апреле будет краеведческая выставка, на которую будут приниматься рисунки и фотографии с изображением типов и видов Белоруссии. Я, то думаю послать несколько рисунков, но для Тебя, вероятно, интереса она не представляет. Когда узнаю об очередной Всебелорусской выставке, Тебя немедленно извещу. Довожу до Твоего сведения, что в Пскове есть также общество художников, у них тоже бывают выставки. Твои фигурки в Белорусском музее выставлены в хорошем стеклянном ящике (по 1 шт. всякого сорта)... Я понемногу рисую: делаю наброски (гл. образом, конечно, с Нины), с людьми дело у меня несколько становится лучше, хотя еще неважно; нарисовал несколько графических рисунков.

Жму Ваши лапки.

Аркаша.

****9.Х. [19] 32 г.**

Сегодня, мой друг Зиночка, так много в голове моей возникает мыслей, а в воображении - образов, что не знаю, как их привести в систему и с чего начать. Вечером шел по Советской и вот в одном месте, на легком повороте улицы, блеск трамвайных рельсов с силуэтами зданий вдали, фонарями и красноватым небом, отражавшим празднично - вечерний блеск города по ассоциации впечатлений, вызвали воспоминания: – линия Васильевского острова, то же небо, те же фонари, давно когда-то. И сейчас полыхает небо над городом-гигантом. И Ленинград вспоминает 15 лет назад совершенный подвиг. А ночи годовщин Октября в первые годы революции — какие-то жутко чарующие. Темные, слепые дома, кой где полуразрушенные, небо пламенного цвета, стрельба. И дальше воспоминания и образы кажутся, как бусы на нитке. Хорошо, что живем мы во время молодое, а то наклонности к воспоминаниям можно было бы считать за признак старости. А жить то так, как хотелось бы жить и работать, можно сказать, еще и не начинал. Но... "пока есть в сердце кровь" надо и буду стремиться к одному. Нинин портрет Твоей работы висит у меня на стене и невольно часто у меня возникает мысль: "Какой бы прекрасный портретист мог бы из Тебя выйти. Сейчас я, видимо, сам стосковался по краскам и потому, может быть, отчасти подолгу смотрю на эти два портрета: Нинин и Твой автопортрет. Видел я много современных портретов, но почти нигде нет такого близкого и правильного соотношения в цвете натуры и портрета. В общем действительно много похожего на старых мастеров портрета. Про рисунок этого, конечно, сказать нельзя (рисунок портрета). Неужели, коллега, Тебя не тянет написать от начала до конца мамашин портрет — ну создать "шедевр" что называется. Достать фанерку, подшлифовать ее, загрунтовать и начать работать. Подумай, если бы Ты каждый год делала по одной хорошей работе, до конца дней Твоих создалась бы маленькая галерея шедевров. Пишу, хотя и шутя, по серьезно. Сейчас в отношении искусства установка "за овладение мастерством" и такие вида живописи как натюрморт, пейзаж, портрет, как этапы овладения мастерством, получают снова права гражданства. Так что, мой друг, пиши, что Ты думаешь и предпринимаешь в области изобразительной работы. Я дня три прохворал, сейчас почти поправился. За три дня (уже выздоровевши) перерисовал 5 карт для Издательства и сдал уже (расценка – 90 р.). Новой работы пока не было — сказали зайти дня через два. В общем, наша "фирма" (я и Дучиц) себя зарекомендовала и своевременным, и добросовестным исполнением заказов. При подготовке и оформлении к 15-ой годовщине художники минские заработали тысячи по 2 рублей. 12-го открывается 5-я Всебелорусская художественная выставка. Я дал 9 рисунков (завтра узнаю, что из них принято, а может быть и ничего). В общем из тех работ, что я привозил в Москву. Если бы

Издательство своевременно платило деньги — все было бы великолепно. Но ничего — заплатят не сейчас, так позже, а деньги всегда бывают нужны. Времени у меня свободного – 0...

С 1933 г. в Ленинграде снова, как Ты, я думаю, знаешь, открывается Академия Художеств в прежнем здании.

Ну, всего хорошего.

Твой Аркаша.

Сегодня могу дополнить свое письмо: на выставку взяли 5 рисунков, хотя, по-моему, они тоже, безусловно, слабоваты.

За некоторых белорусских мастаков можно порадоваться — дают уже очень симпатичные вещи. Видя их рост, сознаешь, что сам почти топчешься на месте. Немножко стало грустно, но по правилу древнего Рима "никогда нельзя заключать мир после поражения". Так и у меня каждая неудача порождает еще более настойчивое желание к победе. У Дучица такое же настроение. "Хоть, — говорит, – буду голодать, а со школами разделаюсь и буду работать". Еще лет 14 в моем распоряжении. Одно уж хорошо, что в этом году нет у меня физики — вечера, по крайней мере, свободные — не надо готовиться. Еще повоюем.

Итак, мой друг, всего хорошего.

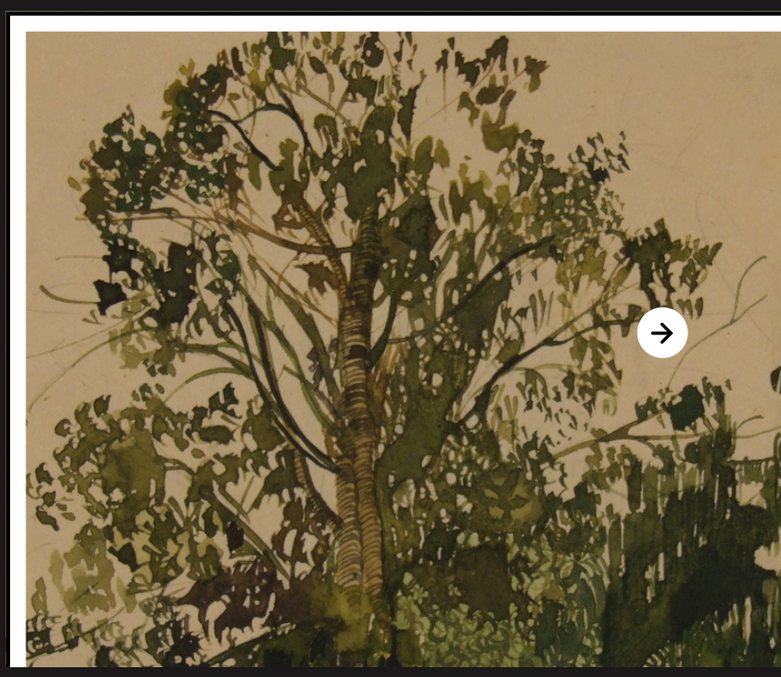
Твой Аркаша.

**** 24.1. [19] 34 г.**

Дорогая Зиночка, письмо Твое порядочно времени лежало у меня на столе. Своим видом оно должно было напоминать, что я должен ответить и вот только сегодня, наконец, пишу. Все никак не выбрать времени — работы очень много. И по школе, и в Издательстве... Жалко, что мы не вместе, а то могли бы работать вдвоем. Вообще, в следующем году оставлю себе только одну школу, т.к. совсем оставить педагогическую деятельность будет, пожалуй, нельзя, а от остальных откажусь, перейду в союз Рабис. Все дело будет ближе к прямой художественной деятельности. Сейчас хочу подработать, чтобы накопить небольшой фонд на поездку в Ленинград, если будет все благополучно. Временами подумаешь с грустью о том, что где-то далеко в большом и шумном городе все дорогие и близкие мне люди, с которыми хотелось быть вместе, но ничего не сделаешь, так уж сложилась жизнь. Может быть, когда-нибудь и будем вместе... По-моему, Ты сделала все ж – таки ошибку, что не пошла больше в издательства, т.к. там с одного, двух раз ничего не выходишь, а подвернется благоприятная ситуация, случайно, допустим, получишь работу, а там и пойдет, и пойдет. Ведь и я ходил несколько раз, только надо сказать, что мало еще ходил. А сейчас, хотя мне с Дучицем и дают больше всякие технические перерисовки, но уже по этому делу мы считаемся по 3-му (так сказать, самому высшему) разряду. Даже есть, пожалуй, забота о том, чтобы нас обеспечить работой. Сейчас у нас должна в близком будущем открыться выставка белорусского искусства за 15 лет. По правде говоря, дать на нее было нечего, но дал все-таки несколько рисунков, не знаю, примут или нет — будет видно. В связи с тем, что помещение занято пока под экспонаты, студия временно не работает. Познакомился и говорил порядочно с одним художником Руцаем. Кое-что почерпнул полезного и интересного. Он учился в Вхутеине и теперь временно как-бы является руководителем нашей студии...

Ну, всего хорошего, милый друг.

Твой Аркаша.



**** 10.X. [19]36 г.**

Дорогая Зиночка!

Сделал я обложку к Робинзону Крузо — повозился с ней порядком, но все-таки получилась, в общем,

ничего. Расценили в 145 руб. В общем, могу рассчитывать, что время от времени обложки мне будут давать. Сейчас в издательстве работы нет, так что немного поработаю сам. Поставил себе довольно симпатичный натюрморт с яблоками. Завтра начну над ним работу. 7-го ноября у нас очередная художественная выставка. Дать на нее почти нечего: пару рисунков, 2 – 3 графических работы, если пройдут. Посылаю Тебе простейшие способы загрунтовки холста и фанеры. Способы различные в зависимости от того материала, который у Тебя найдется. Желаю успеха — работай, мой друг, систематически, хоть по 2 часа в день.

Твой Аркаша.

****6.III. [19]40 г.**

Дорогая Зиночка!

Сейчас у меня нет работы в издательстве (это плохо — нет денег), но есть свободное время (это хорошо — рисую). Взялся за акварель, которую я люблю, пожалуй, больше масляных красок (вероятно, сказывается графический уклон). Пробовал работать гуашью, пастелью — ничего пока не получается — и как-то к этим видам изобразительной техники не лежит душа. Акварелью делаю наброски ребят, рисунки по памяти, обрабатываю некоторые прошлые зарисовки — в общем, тренируюсь...

Целую Тебя.

Твой Аркаша.

12.VII. [19]41 г.

Дорогие Зиночка, Иван Александрович и Ниночка!

Написал 2 письма уже — не знаю, получили ли Вы их. Я уже в части, скоро буду знать свой адрес, тогда напишу, а Тебя, Зиночка, прошу тогда немедленно ответить, нет ли каких известий от Нины, которую я с больным Сеней и Валей оставил в дер. Королев Стан (колхоз Ленина) возле станции Колодище в 15 км от Минска в семье Филипповича. Хочется надеяться, что она как-либо оттуда выбралась тогда она Вам напишет. Слабая у меня надежда увидеть их снова или хотя бы узнать, что они живы, но хочется надеяться на это. Я здоров. Ноги, которые я во время перехода несколько подбил, проходят. Сейчас главный вопрос для меня — это судьба Нины и ребят. Если бы знать, что с ними все благополучно — больше бы я ничего не хотел. Надеюсь, что у Вас все благополучно.

Целую Вас всех.

Ваш Аркаша.

Предисловие, публикация и примечания Е.Д. Смирновой.

Автор – Надежда Усова, ведущий научный сотрудник Национального художественного музея Республики Беларусь.

Оформление – Катерина Шайдуко, младший научный сотрудник Национального художественного музея Республики Беларусь.

Национальный художественный музей Республики Беларусь

Минск
ул. Ленина, 20

+375 17 397 01 63
+375 29 377 78 19
Instagram: @artmuseum.by
Instagram: @artmuseum_shop

понедельник, среда, пятница - воскресенье
с 11:00 до 19:00

четверг
с 13:00 до 21:00

вторник
выходной день

Касса и Музейный магазин

понедельник, среда, пятница - воскресенье
с 11:00 до 18:30

четверг
с 13:00 до 20:30

вторник
выходной день

Музей Дом Ваньковичей

Минск
ул. Интернациональная, 33А

+ 375 17 363 77 96
+ 375 17 358 88 78
Instagram: @wankowicz_house

вторник - пятница
с 11:00 до 19:00

суббота
с 10:00 до 18:00

воскресенье - понедельник
выходные дни

Музей белорусского народного искусства

Минская область, Минский район, Острошицко-Городокский с/с, д. Околица
ул. Ивановская, 17Б

+375 17 507 44 69
+375 29 655 85 73 (A1)
Instagram: @musejraubichy1979

среда - воскресенье
с 10:00 до 17:00

Касса
с 10:00 до 16:30

понедельник - вторник
выходные дни

Музей В.К. Бялыницкого-Бирули

Могилев
ул. Ленинская, 37

+375 222 65 88 00
+375 222 65 02 03
Instagram: @belbirmus

среда - воскресенье
с 10:00 до 18:00

понедельник - вторник
выходные дни

© Национальный художественный музей Республики Беларусь
2010 – 2024

PRAS

Разработка сайта — компания PRAS